

УДК 008Смит

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НАСЛЕДИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
«АВТОРИЗОВАННЫЙ ДИСКУРС НАСЛЕДИЯ»
ЛОРАДЖИН СМИТ**

В.Г. Ананьев

Аннотация

Статья посвящена анализу концепции «авторизованного дискурса наследия» современной австралийской исследовательницы Лораджин Смит, по мнению которой наследие – это не определённая вещь или конкретное место, а ценности и смыслы, конструируемые вокруг них. Проанализированы основные работы исследовательницы по данному вопросу, особое внимание уделено методологии критического дискурс-анализа, применяемой в работах Смит. Показана связь концепции с общим культурным контекстом рубежа XX – XXI вв.

Ключевые слова: наследие, дискурс, критический дискурс-анализ, «авторизованный дискурс наследия», музеология.

Общепринятым в отечественной научной литературе стало восходящее к работам М.С. Кагана и Т.П. Калугиной определение музея как культурной формы, одной из подсистем метасистемы культуры, изоморфной этой метасистеме [1, 2]. По мере того как всё более важное место в современных музеологических концепциях приобретают холистические подходы, способствующие смещению акцентов с институционального измерения музейного феномена в сторону более широкого понятия *наследие*, и это последнее также начинает определяться специалистами как культурная форма. Подчёркиваются его процессуальная составляющая и дискурсивная природа [3, 4].

В условиях современного мультикультурного общества, которое при всех своих сложностях и слабостях представляется сейчас единственным жизнеспособным направлением развития государства, не желающего оказаться вытесненным на периферию международных отношений, актуальным становится поиск альтернативных путей концептуализации таких культурных конструктов, как *наследие*. Большое значение приобретают критический анализ, восходящий к идеям представителей Франкфуртской школы, и деконструкция господствующих дискурсов, связанная с принципиальным отказом от иерархичности и недоверием к большим нарративам, присущим постмодерну.

Яркими примерами подобных подходов могут считаться нелинейная модель музейной коммуникации, разработанная Эйлен Хупер-Гринхилл [5] (см. также [6; 7, с. 131–133]), критическая музеология Алана Шелтона [8, 9] или анализ

незападных/туземных форм кураторства и сохранения культурного наследия Кристины Крепс [10]. К числу подобных концепций, получивших широкое признание в современной западной науке, следует отнести и концепцию «авторизованного дискурса наследия» австралийской исследовательницы, профессора университета Канберры Лораджин Смит. Она проводит деконструкцию современных представлений о сущности и функциях наследия и приходит к парадоксальному на первый взгляд выводу: «Такой *вещи*, как наследие, не существует».

Показательным для современного этапа развития науки может считаться уже тот факт, что в концепции Смит важное место занимает рефлексия не только над самим концептом наследия, но и над процессом изучения этого концепта. Таким образом, место традиционного историографического обзора здесь занимает критический анализ исследовательских практик, понимаемых как важная составляющая не только изучения, но и конструирования предмета научного интереса. В некотором смысле на гуманитарное знание здесь переносится тезис, ставший общепринятым для точных наук ещё с середины XX в.: «акт наблюдения есть акт созидания» (Джон Арчибальд Уиллер) [11, р. 31–32]. И это неслучайно. Ведь наследие понимается Смит как процесс культурного производства. В создание наследия оказываются вовлечёнными и дисциплины, занимающиеся изучением этого наследия, и связанные с ним практики (включая такие направления музейной работы, как собирательская деятельность, кураторство, экспозиционная работа), и, наконец, действия, поступки, процессы, имеющие отношение к посетителям, пользователям этого наследия (I, р. 9).

Всплеск интереса к изучению наследия (по крайней мере в англоязычной литературе) Смит датирует серединой 80-х годов XX в. По её мнению, тому существовало три основных причины. Во-первых, с момента завершения Второй мировой войны на Западе на уровне публичной, национальной и международной политики существовал устойчивый интерес к сохранению того, что воспринималось как хрупкие, могущие быть утраченными навсегда творения человеческого духа, которые следует беречь, хранить в неприкосновенности и передавать будущим поколениям.

Во-вторых, 80-е годы были отмечены процессами, которые многими специалистами тогда характеризовались как примеры неконтролируемой экономической эксплуатации наследия. Это активное вовлечение наследия в туристический сектор (чреватое товаризацией и диснеефикацией прошлого), а также рост числа экомузеев, общинно ориентированных музейных проектов и центров наследия, которые также в рамках новой музеологии зачастую рассматривались в качестве экономической панацеи для депрессивных или проблемных в экономическом отношении регионов.

Наконец, в-третьих, внимание академических кругов к наследию именно в 80-е годы было обусловлено правым уклоном в политике многих западных государств (правление Р. Рейгана, М. Тэтчер, Г. Колля), который среди прочего предполагал использование наследия для обоснования консервативной социальной и культурной политики (I, р. 10–11). Важно отметить, что при анализе этих факторов, обусловивших интерес академической среды к проблематике наследия, Смит выделяет не только интра-, но и экстранаучные факторы этого историографического поворота, тем самым подчёркивая, что наука является

в том числе и одной из социальных и политических практик. Здесь прослеживается влияние критической теории представителей Франкфуртской школы.

Факторы, определившие академический интерес к проблеме наследия, повлияли и на то, как это наследие стало пониматься в историографии. Смит выделяет два основных подхода, доминировавших во второй половине 80-х – 90-х годах.

Первый условно можно назвать техническим, в центре его внимания находился технический процесс менеджмента и консервации наследия. В рамках этого подхода господствующим было представление о том, что политическое использование наследия можно игнорировать или даже контролировать при помощи обладающих необходимой профессиональной подготовкой «объективных» экспертов. Центральным для теоретической основы этого подхода было представление о том, что ценность материальной культуры не ассоциативна, а присуща ей изначально. Следовательно, и наследие понималось здесь как совокупность материальных объектов, мест, ландшафтов, характеризующихся такими понятиями, как древность или эстетическая привлекательность, и сохраняющихся в неприкосновенном виде нынешними поколениями для поколений будущих. Все другие подходы к пониманию наследия оказывались вытесненными на периферию.

Второй подход связывал наследие с «фальшивой историей». Здесь исследователями подчёркивалось консервативное использование наследия в политическом дискурсе современности, его значение как материального воплощения представлений о «старых добрых временах» и реакционное противостояние всяческому прогрессивным изменениям. Не отрицая последнего, Смит вместе с тем отмечает, что наследие может использоваться и используется в реальной практике самыми разными политическими и социальными способами, иногда имеющими важное критическое значение. В любом случае выводы, которые делались и из одного, и из другого подходов к изучению наследия, были достаточно близки: необходим контроль над наследием со стороны экспертов-профессионалов (археологов, искусствоведов, историков, музейных кураторов). Посетители музеев или мест наследия рассматривались в качестве пассивных потребителей того дискурса, который передавали/навязывали им эксперты, дискурса, авторизованного экспертным статусом последних (I, p. 11–16).

Неслучайно стимулом к решительному повороту в понимании наследия стали споры, вызванные всё более активным вовлечением в деятельность музеев и мест наследия сообществ, так или иначе связанных с их тематикой. Коренные народы, представители миноритарных групп и иные группы интересов уже не могли рассматриваться просто в качестве пассивных потребителей авторизованного знания, они становились активными участниками создания этого знания, переговоров относительно его смысла и значения. Здесь вновь Смит отмечает связь между процессами, происходящими в науке, и общеполитической ситуацией. Она соотносит такой поворот в понимании сути наследия со всё большим распространением, которое на Западе приобретает «политика признания», предполагающая, что различные группы сообществ с различными потребностями, историями и устремлениями могут предъявлять требования на признание (в символической и материальной форме) своих прав, в конечном счёте означающее признание их идентичности. А это является залогом движения

в сторону больших равенства и справедливости (I, р. 17–19). Критическое изучение наследия оказывается одновременно и реакцией на эти политические процессы и их частью.

Важнейшим элементом любого исследования является методология. С этой точки зрения работы Смит также представляют значительный интерес. Методологической базой ряда её трудов является критический дискурс-анализ. Обращение именно к этой методологии означает обращение к изучению общества через изучение языка. Дискурс – это не только особый способ говорить, думать или писать о проблеме, он также предполагает элемент действия, а следовательно, рассматривается как форма социальной практики, поэтому предполагается, что последняя неизбежно должна иметь определённый семиотический элемент. Дискурсы представляют некие элементы социальной жизни и мира вокруг нас, делая это различными и зачастую соперничающими способами. Но они же не только (вос)создают, конституируют социальную жизнь и мир, но и являются условиями различного видения этой жизни и мира.

Поэтому социальные практики, связанные, например, с менеджментом наследия, регулируются не только соответствующими формальными законодательными актами, но и дискурсивным давлением, которое определяет, что именно мы будем считать нормой в данной области. Важно не только то, что мы делаем с наследием, но и то, как мы говорим о нём, как спорим, как оцениваем его значение. Последнее во многом определяет первое. Критический дискурс-анализ и пытается выяснить, как язык и семиозис фигурируют в той или иной социальной проблеме (см., например, (II, р. 342–346)). Благодаря применению этой методологии Смит и удаётся по-новому взглянуть на проблему наследия и предложить своё понимание его дискурсов.

По мнению Смит, то понимание сущности наследия, которое получило к концу XX в. наибольшее распространение в рамках соответствующего законодательства, политики и менеджмента наследия, определяется в первую очередь исторической взаимосвязью наследия и археологии (III, р. 33–57). Эта взаимосвязь начинает формироваться на Западе в конце XIX в. и получает дополнительное подкрепление в 60–70-е годы XX в. Именно с нею Смит и связывает авторизованный дискурс наследия (IV, р. 12). Будучи на самом деле конструктом, это понимание наследия сумело достичь статуса «естественного» и неразрывно связанного с самим здравым смыслом. В некотором роде здесь Смит развивает идеи Р. Барта о мифологиях современного буржуазного общества и переводе категорий «истории/культуры» в категорию «природы» (см. [12]).

Чем характеризуется наследие в таком контексте? В первую очередь своей материальностью: наследие – это главным образом некие места, памятники или здания. Они монументальны, материальны, грандиозны и аутентичны (подлинны). Нет необходимости говорить о том, что, как правило, все они связаны со славными страницами истории, чем-то, что вызывает гордость и способствует формированию групповой идентичности (как правило, национальной). Диссонирующая природа наследия, скрытые в нём противоречия между различными группами интересов замалчиваются или намеренно искажаются.

Все эти вещи, которые определяются как «наследие», достаются нынешним поколениям из прошлого, и задача живущих сейчас – оберегать и защищать их

для того, чтобы передать неким гипотетическим последующим поколениям. Здесь всячески подчёркивается мысль о том, что ценность материальной культуры – это ценность врождённая, присущая ей изначально, а вовсе не ассоциативная. Следовательно, и наследие трактуется как что-то хрупкое, завершённое, невозстановимое. Следующий шаг по этому пути – признать, что нынешние поколения должны быть отстранены от активного использования наследия, а заботу о нём следует перепоручить специально подготовленным профессионалам – как правило, археологам, архитекторам или историкам. Специалистам, обладающим официально зафиксированными знаниями, специалистам авторизованным (IV, p. 12–13).

Парадоксальным образом акцент на материальной стороне наследия вытесняет на задний план вопрос о культурных ценностях и смыслах этого наследия. Сохранение первого зачастую может идти вразрез с сохранением второго. Особенно когда речь идёт о наследии незападных культур, в большей степени концептоцентричных, а не предметоцентричных. Ярким примером такого авторизованного дискурса наследия Смит считает программные документы ИКОМОС, в том числе знаменитую Венецианскую хартию (1964 г.) (V, p. 88–95). Казалось бы, призывы к более активному вовлечению в процесс менеджмента наследия общин должны были бы подорвать сложившееся к настоящему времени положение дел. Но этого не происходит, дискурс противостоит изменениям.

Смит анализирует один из ключевых документов современной практики по сохранению наследия – принятую австралийским комитетом ИКОМОС, но широко используемую во всём мире Буррскую хартию (1979, 1999 гг.), посвящённую местам культурного значения. В своем анализе она показывает, как нивелируются призывы к более инклюзивному подходу самой дискурсивной структурой этого документа (II, p. 346–350). Такое понимание наследия становится своего рода социальной ментальностью, которая ведёт к тому, что вытесненными оказываются альтернативные подходы к пониманию сущности и значения наследия: те, что связаны с незападными или неэкспертными группами интересов, культурными символами и выражениями, не связанными со средним или высшим классами.

На самом деле, по мнению Смита, наследие является культурным процессом. Это скорее глагол, чем существительное. Это постоянные субъективные и политические переговоры, обсуждения идентичности, места или памяти. Следовательно, и такой *вещи*, как наследие, не существует. Есть лишь ряд соперничающих друг с другом дискурсов, имеющих значимые и мощные культурные и политические последствия. Наследие – это процесс, связанный с регулированием, передачей и обсуждением культурных и исторических ценностей и нарративов, помогающих нам осознать наше настоящее. Не определённая вещь или конкретное место, а ценности и смыслы, конструируемые вокруг них. Это акт коммуникации, включающий такие процессы, как воспоминание, поминовение, передача знаний или памяти, оценка и выражение идентичности, социальных и культурных ценностей и смыслов. Следовательно, любое наследие оказывается в таком случае нематериальным. Вместо памятника или места мы получаем инструмент культуры, который общество использует, чтобы помнить и в процессе этого конструировать смыслы, оказывающиеся важными и пригодными для современности.

Люди не просто пассивно принимают то, что передают им эксперты, но оказываются активно, критически и осознанно вовлечены в его создание (I, p. 23–24, 39; IV, p. 15–17).

Наследие как процесс, по мнению Смит, протекает на трёх основных уровнях. Первый уровень – институциональный. Различные институты (в том числе правительственные) развивают ту или иную культурную политику, проводят определённую политику финансирования, влияют на то, какие музейные коллекции или выставки получают поддержку, а какие – нет, как реставрируются, охраняются и интерпретируются те или иные места наследия. Составление разнообразных списков наследия также является частью этой политики.

Второй – уровень сообщества, причём одним из таких сообществ интересов Смит считает самих профессионалов в области наследия. Они, так же как, например, коренные народы или иные миноритарные группы, определяют, что для них является наследием. Формирование наследия на уровне общины или сообщества непосредственно связано с развитием её/его коллективной идентичности.

Наконец, третий уровень – индивидуальный. Музеи и иные институты наследия не всегда могут контролировать тот смысл и то понимание наследия, которое формируется у посетителей в ходе осмотра экспозиции или достопримечательного места (I, p. 25–26). В этом внимании к роли посетителей Смит следует за новейшими разработками в области герменевтики, её идеи оказываются созвучными идеям Э. Хупер-Гринхилл относительно нелинейных моделей музейной коммуникации.

В мемориальной лекции памяти Каспара Рейнварта, прочитанной в Амстердамской школе искусств в мае 2011 г., Смит выделила пять основных пунктов, связанных с новым пониманием наследия. Во-первых, нет одного единственного способа использования наследия, оно может использоваться и пониматься самыми разными путями. Консервативный вариант «фальшивой истории», например, – лишь часть более широкого спектра. Во-вторых, это разнообразие проявляется не только в различных типах музеев, но и в различных музеях одного и того же типа, одной и той же профильной группы. В-третьих, профессионалы в области музейного дела и наследия не могут постоянно контролировать то, как наследие используется и воссоздаётся отдельными посетителями или целыми сообществами. В-четвёртых, нам может отнюдь не всегда нравиться то, что наследие делает в обществе, но отмахиваться от него как от «фальшивой истории» нельзя. Необходим более пристальный анализ. В-пятых, музейные посетители как пользователи наследия отнюдь не пассивны, они активно вовлечены в понимание и создание наследия, его использование в собственных целях (I, p. 38).

В рамках краткого обзора невозможно воспроизвести и проанализировать всю аргументацию, предлагаемую Смит в её работах, но следует отметить, что большая часть её исследований основана на тщательно собранном эмпирическом материале, включающем результаты анкетирования и опросов посетителей музеев и мест наследия в Австралии, Великобритании и США. Ею анализировались музеи-имения английской знати, австралийский Зал славы ковбоев, экспозиции, посвящённые наследию работорговли, рабочего класса, аборигенов Австралии, и многие другие примеры из современного музейного мира (см. (V, p. 115–298;

VI) и др.). Такое внимание к фактическому материалу, безусловно, подкрепляет теоретические построения исследователя и придаёт им большую убедительность.

Представляется, что детальный анализ концепции Лораджин Смит может быть полезен для понимания тех сторон наследия, которые в отечественной традиции, как правило, не привлекали пристального внимания исследователей, а её акцент на перформативной и дискурсивной составляющей наследия может помочь в поисках ответа на вопрос о сохранении и актуализации наследия в современных условиях.

Summary

V.G. Ananiev. Theoretical Interpretation of Heritage in Contemporary Foreign Historiography: The Concept of the Authorized Heritage Discourse by Laurajane Smith.

The article deals with the concept of the Authorized Heritage Discourse proposed by the contemporary Australian researcher Laurajane Smith. She believes that “there is no such thing as heritage” and “all heritage is intangible”. Heritage is not a certain thing or place, but values and meanings, which we construct around it. Smith’s major works related to this issue are analyzed. Special attention is paid to the methodology of the critical discourse analysis. The concept is studied in the general cultural context of the turn of the 21st century.

Keywords: heritage, discourse, critical discourse analysis, Authorized Heritage Discourse, museology.

Источники

- I – Smith L. All Heritage is Intangible: Critical Heritage Studies and Museums. – Amsterdam: Reinwardt Academy, Amsterdam School of the Arts, 2012. – 48 p.
- II – Waterton E., Smith L., Campbell G. The Utility of Discourse Analysis to Heritage Studies: The Burra Charter and Social Inclusion // Int. J. Heritage Studies. – 2006. – V. 12, No 4. – P. 339–355.
- III – Smith L. Archeological Theory and the Politics of Cultural Heritage. – London; N. Y.: Routledge, 2004. – 260 p.
- IV – Waterton E., Smith L. There is no such *thing* as Heritage // Taking Archeology out of Heritage. – Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Pub., 2009. – P. 10–27.
- V – Smith L. Uses of Heritage. – London; N. Y.: Routledge, 2006. – 351 p.
- VI – Smith L. A Pilgrimage of Masculinity: The Stockman’s Hall of Fame and Outback Heritage Centre // Australian Historical Studies. – 2012. – V. 43, No 3. – P. 472–482.

Литература

- 1. Каган М.С. Музей в системе культуры // Вопр. искусствознания. – 1994. – № 4 (94). – С. 445–460.
- 2. Калугина Т.П. Художественный музей как феномен культуры. – СПб.: Петрополис, 2008. – 244 с.
- 3. Климов Л.А. Культурное наследие как система // Вопр. музеологии. – 2011. – № 1 (3). – С. 42–46.
- 4. Климов Л.А. Музей в сохранении и презентации нематериального культурного наследия: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – СПб., 2012. – 24 с.

5. *Hooper-Greenhill E.* Changing Values in the Art Museum: rethinking communication and learning // *Int. J. Heritage Studies.* – 2000. – V. 6, No 1. – P. 9–31.
6. *Голдинг В.* Коммуникация и образование в музее XXI века: Опыт Центра по изучению музеев и галерей // *Вопр. музеологии.* – 2010. – № 1. – С. 89–98.
7. *Ананьев В.Г.* Лестерская школа музеологии: История, персоналии, идеи // *Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2: История.* – 2013. – № 2. – С. 127–134.
8. *Shelton A.* From Anthropology to Critical Museology and Vice Versa // *Museo y Territorio.* – 2011. – No 4. – P. 30–41.
9. *Shelton A.* Critical Museology. A Manifesto // *Museum Worlds: Advances in Research.* – 2013. – V. 1, No 1. – P. 7–23.
10. *Kreps Ch.F.* Liberating Culture. Cross-cultural Perspectives on Museums, Curation and Heritage Preservation. – London; N. Y.: Routledge, 2003. – 185 p.
11. *Ananiev V.* The dialogic museum, dice and neurons: a few personal notes on the topic // *ICOFOM Study Series.* – 2011. – No 40: The dialogic museum and the visitor experience. – P. 27–32.
12. *Барн Р.* Мифологии. – М.: Акад. проект, 2008. – 351 с.

Поступила в редакцию
25.12.2013

Ананьев Виталий Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: v.g.ananiev@gmail.com